

КУМИРЫ

Передача "Городок" давно стала одним из китов, на которых держится юмор в нашей не улыбочливой стране. Культовый персонаж — Юрий Стоянов, один из тех, кто поддерживает этого кита на плаву. Во многом благодаря ему юмористическая ось Одесса—Москва—Питер продолжает активно действовать!

— Просто невозможно стало с вами встретиться — работаете на износ?!

— Это была декабрьская история, понятно. Вот только что прибыл из Одессы.

— Что, и в родной Одессе — тоже елки?

— В Одессе я был у мамы. Самолеты из Одессы не летают в Пулково. Добраться в Питер можно только через Москву, поэтому вот получилось интервью.

— Как мама?

— Мама — хорошо, она работает, и это самое главное.

— Она возглавляет педагогический...

— Нет, она ушла на пенсию и стала почетным директором (и по нечетным — тоже), но она ходит на работу — она не может без этого.

— Все украинский преподает?

— Преподавала когда-то. Теперь она там что-то по организационной части, по психологии.

— Как у вас со вторым родным языком?

— С ним у меня всегда все было хорошо, но я стараюсь не говорить на украинском, потому что нужна практика. Это очень красивый язык, очень мелодичный, я все понимаю, я могу читать, но говорю неважно, хотя когда-то говорил хорошо.

— По телевизору теперь все в Киеве перешли на украинский...

— Политическая элита, не считая президента Украины, говорит ужасно.

— Зачем же тогда коверкают язык?

— Сейчас это страшная проблема для всех моих друзей на Украине. Одесса всегда была городом космополитичным. А теперь мои друзья, преподаватели, доценты, профессора сложных предметов — у кого-то анатомия, у кого-то автоматика, вычислительная техника, физика, механика, — они это все вынуждены преподавать на украинском языке. Такое ощущение, что на Украине больше проблем нет, кроме как заставить всех говорить на украинском.

— Что в Одессе изменилось?

— Дороги очень приличные стали, невероятное строительство, чудовищные цены на жилье — уже почти петербургские; не скажу — московские, но питерские.

— У вас в Одессе есть квартира?

— Конечно, и маленькая дачка есть.

— Квартира на Дерибасовской?

— Нет, на улице Осипова, но это близко, минут 15. На Дерибасовской нельзя жить. Это такая улица-музей, пешеходная. Одесса — интересный город, и потом, ведь все мои авторы — в Одессе. Я обязательно должен там бывать.

— Но есть же современные средства связи?!

— Меня Интернет уже достал, а телефонные разговоры дороже, чем с Америкой, и значительно. Вот так делается программа "Городок": легче слетать. Наверное, выгоднее было бы иметь авторов в Нью-Йорке. И маму там же. Бывал бы реже, но и денег тратил бы меньше. Впрочем, что я говорю: нет там никаких авторов — в Нью-Йорке; они все в Одессе, а те, что в Москве, — они тоже из Одессы. Правда.

— В сериалах продолжаете сниматься? В этих киносуррогатах...

— Относительно сериалов у меня был прогноз года два-три назад: я сказал, что сериальная история должна закончиться максимум через год — весь этот сериальный вал. И я абсолютно ошибся — лет на пять. Но я благодарен сериалам, и скажу за что. Я снялся всего в одном сериале, который назывался "Ландыш серебристый", — мне очень эта история понравилась...

— Еще — в "Рекламной паузе".

— Это мини-сериал, там четыре серии. Я не помню, про что там.

— Вы — директор рекламной фирмы, могу напомнить.

— Я снимался по дружбе. Вообще, подобное кино — это часто не столько бизнес, сколько придуманный способ общения с друзьями. Посколь-

ОДЕССА-МАМА-ГОРОДОК

В жизни Стоянов обаятелен и галантен, как и на сцене.

ЮРИЙ СТОЯНОВ:
"Юмор — это свойство ума"

ку другого времени абсолютно нет. В таких фильмах часто снимаются одни и те же люди. Так вот, почему я люблю сериалы? Они помогли выжить огромному количеству артистов. Поэтому я не буду хаять сериалы — от меня этого не дожидаться. Когда при мне один очень известный киноактер начал хаять телевидение: мол, это помойка, ненавижу и все такое — я сказал: "Дорогой ты мой человек, кто б тебя, родного, знал, кабы не телевидение и не те три сериала, из которых ты пришел в полный метр?".

— Заметано: больше не охаиваем ваше телевидение...

— Понимаете ли, в чем дело... Я на ТВ второй раз родился, я работаю там почти 15 лет. И все время, заметьте, на одном канале! Только чуть-чуть поработал на питерском телевидении — тогда на Пятом канале.

— 2007-й — год юбилеев?

— Да, 10 июля мне исполнится 50, потом моему партнеру — 60 лет, а программе — 15 лет!

— Народный артист России?

— Я заслуженным-то не был.

— А бывает такое, что сразу народного дают?

— Привет... В 2002 году. Юра и Илья.

— Боже мой! Передо мной целый народный артист?!

— Половина.

— Что за путаница у вас с женами?

— Уже давно никакой путаницы нет — совершенно устоявшаяся концепция. Уже много лет мою жену зовут Лена, мы вместе уже больше восьми лет, и у нас есть дочка Катя, которой три с половиной года. Вот мое семейное положение.

— И еще от первого брака два взрослых сына?

— Да, и еще дочка есть. У меня две дочки.

— Мало вам было двух сыновей?!

— Да, я подумал о сестрах: братья и сестры.

— Партнер по жизни у вас, значит, один?

— Партнер у меня — Илья Олейников, а друзей — много. Это друзья-одесситы. Жизнь подарила потрясающего друга, моего тезку, в Одессе. У меня есть друзья детства; мне повезло, что мой

автор является моим другом — Володя Трухнин, это большая серьезная дружба. Мои друзья — это Саша Цекало, Тигран Кеосаян, Миша Ефремов. Это все "12 разгневанных мужчин", которые снимались у Никиты Михалкова, где я имел честь... Мои друзья — все, с кем я работаю в программе. У меня много друзей.

— Кстати, по поводу партнерства у меня шутка есть: я обнаружила ваше изображение на сайте каких-то геев, вы там в гримерке, — откуда это?

— Ну, думаю это после того, как нас снимал Кирилл Набутов для программы "Один день". Я там переодеваюсь — естественно, артистам иногда приходится переодеваться и в женские одежды...

— А что это у вас маникюр и длинные ногти?

— А, и вы решили, что это маникюр? Сравните правую и левую руку...

— Это чтобы на гитаре играть?

— Да, и от этого, к сожалению, ногти рассыпаются. Я покрыл их составом, чтобы не разваливались. В эту стра-

ду новогоднюю, когда много концертов, я вынужден защищать оружие производства. Купил акриловый лак — держит. К сожалению, он дает блеск. На левой руке не должно быть ногтей, на правой должны быть минимум 2,5—3 миллиметра.

— Ладно, хватит о грустном, давайте про кино. Это ваше главное призвание по жизни?

— Я думаю, то, что мы всю жизнь делаем на телевидении, — это по большому счету есть объяснение в любви кино. Потому что программа — это не телевизионный проект: он страшно невыгодный, трудоемкий. Мы не бываем в студии, не общаемся напрямую с залом, не шутим со сцены, — мы эксплуатируем совсем другую сторону ТВ: мы снимаем в интерьерах, используем какие-то кинотехнологии.

— Мне кажется, наше киносообщество вас не очень-то принимает?

— Со мной-то ладно — мне за Илюшу обидно. Почему они его не снимают? Ведь он — предельно, невероятно органичный человек с такой характерной, точной внешностью. Ладно там — я, артист неопределенной внешности: кем загромируешь, тем и буду...

— Вы фактурный, отчего же?..

— ...К тому же я много отказываюсь. Это вот у Жженова была история... Когда он вышел из этих лагерей, где провел треть жизни, ему хотелось играть роли 19-летних ребят, но он понимал, что время этих ролей прошло, он их не сыграл. А у меня много хороших предложений, но я не отношусь к кино как к средству зарабатывания денег и выживания. У меня просто нет времени.

— Кино, наверное, лучше, чем вот так ездить с гитаркой, концерты давать?

— Что вы, три концерта в месяц — я больше не играю.

— Как все это происходит, я не представляю? Вы выходите с гитарой на сцену, садитесь на стул...

— Да ну, ерунда какая, — просто в конце нашей встречи мы делаем некий трюк, которого зрители абсолютно не ожидают. Илья садится за фортепиано, а я беру гитару. Все думают: сейчас изобразят "трень-брень", а мы вдруг играем очень серьезную испанскую штуку, она построена на внешних виртуозных приемах, и зритель удивляется. Вот ради этого я и таскаю с собой гитару.

— Как вам Никита Сергеевич в "Разгневанных мужчинах" — деспот на съемочной площадке?

— Да бред все это полный, я тоже слышал. Наоборот, носится с каждым как с писаной торбой. Всех отводил куда-то в сторону, что-то нащепывал, каждый человек уходил от него с ощущением, что он самый великий артист, и это лучшая роль. И таких было 12 сумасшедших, уверенных в этом.

— А вы играли кого?

— Я играл четвертого — и больше не имею права говорить. Это же присяжные, они по номерам... И мне было ужасно сложно: мой герой малословный, хотя это и интереснее.

— Когда вы попадаете на съемочную площадку вместе с нашими самыми лучшими актерами...

— Я теряюсь. Может быть, это такая форма издевательства, но они мне начинают рассказывать о том, как они обожают мою передачу, какой я потрясающий. Однако через секунду — съемки, и я же должен это подтверждать как-то. Одно дело — я это делаю на ТВ, где никого вокруг, где этот кокон, где создана теплица. Особенно меня огоршили Гафт и Сережа Маковецкий. Количество комплиментов, которое я от них услышал, мягко говоря, не соответствует тому, что я представляю из себя.

— Почему в кинокомедиях не снимаетесь?

— Я не хочу делать то, что я делаю на телевидении. А зачем? Это не зна-

чит, что я жду роль короля Лира, отнюдь...

— Или Гамлета. Кстати, почему все артисты замораживаются с этим Гамлетом?

— Это отсутствие ума, мне кажется. Играть Гамлета — это встать в линейку с Полом Скофилдом, со Смоктуновским, с Женей Мироновым... Ты можешь быть там только рядышком, по второму плану, и все смеются.

— КВН, по-вашему, — это смешно?

— Я КВН смотрю всегда. Мне безумно интересно. Это другой способ шутить. Юмор другой, другая ментальность, другие задачи у этих ребят. Потрясающе: они не заморочены всем тем, чем заморочены так называемые профессиональные юмористы. Это все-таки юмор как свойство ума, и за этим очень интересно наблюдать.

— Почему по стране ходит так мало веселых анекдотов?

— Ну правильно, раньше рассказывали в основном про Брежнева.

— Про Путина не рассказывают?

— Смешных — один-два, я уже не помню.

— Про желе самый смешной: "Да не трясись, не трясись, я за сиром..."

— Меня вообще анекдоты как-то мало интересуют. Часто слышу пересказ комедии-клавовских, кавэзовских шуток, а городковские просто публикуют как анекдоты. Интернет забит литературно ограниченными "Городком"...

— Ну что, все-таки Новый год. Что бы вы пожелали на Новый год другой своей половине — Илье Олейникову?

— Дорогой Илья, мы с тобой не виделись всего восемь часов, а я уже должен говорить тебе добрые слова. Пусть у тебя все будет хорошо со всеми твоими начинаниями, не связанными с программой, и пусть ты добьешься в них такого же успеха, как здесь. Я тебе этого желаю абсолютно искренне — пусть у тебя все будет хорошо с твоим мюзиклом, которым ты так дорожишь, с которым так носишься, так любишь и хочешь осуществить.

— Понятно, почему, когда я звонила Илье в Питер он сказал: "Нет времени, я, понимаешь, композитор, я тут музыку сочиняю".

— Неужели так и сказал: "Я композитор"? Если он хочет стать композитором, который в прошлом был артистом, я ему этого не желаю.

— Скажите, а маленький Юра Стоянов — какой новогодний подарок ждал?

— Сначала — любой, потом что-то вкусненькое хотелось. Тогда все-таки цена подарка была больше — все было очень тяжело достать. А потом, помню, мне страстно хотелось попробовать другую жизнь на вкус: попробовать колу, чуть позже — выкурить одну фирменную сигарету. О, этот невероятный вкус! Я считаю, что кола и сигареты — это две вещи, которые перевернули социальный мир, потому что тяга к тому, чтобы сделать это повседневным продуктом, а потом проклясть и понять, что это гадость, привели к тому, что целые социальные структуры были снесены, поменяли название, расстреляли президентов. Этот ковбой и эта бутылочка перевернули мир.

— Да уж ладно...

— Я же помню, как это было: сидеть в Одессе на пляже, видеть, как кто-то пьет колу, — и не знать этого вкуса! Как же хочется, чтобы "оно" туда, в горло, попало, и как оно первый раз попадает, но тебе дают всего два глотка — и весь следующий год к чему ты стремишься?

— Чтобы сделать четыре глотка?!

— Ты стремишься к этому напитку, ты думаешь о нем, несмотря на то, что ты хороший, начитанный мальчик, который "Войну и мир" полностью осилил, а не только "Ребята о зверятах".

— Но теперь все нахлебались и накурились...

— А теперь — домашние котлетки, холодец, яичко под майонезом.

— Что же все-таки запоминающегося вам подарили в той жизни?

— Где-то лет с четырех я мечтал, чтобы у меня была гитара, и она появилась у меня только в 6-м или 7-м классе. Это, конечно, была мечта, идея-фикс. Это было невероятно. Гитары, которые продавались, назывались "туристские" — ими можно было убить, забить гвоздь, но играть на них было нельзя.

— Ужас какой — я впервые об этом слышу.

— Вы немножко забыли: не было вообще ничего. Зато были хорошие отношения, дома у всех все было, хотя в магазинах не было ничего, все любили друг друга, рассказывали анекдоты и смотрели "Новогодний огонек", а потом мы все смотрели "Иронию судьбы" и выросли неплохими людьми в той "плохой" стране.

— И вот вам принадлежит весь мир — куда-нибудь поедете отдыхать на Новый год?

— Нет, никуда, доченьку на коленочки — и тихонько рядышком...

Элина НИКОЛАЕВА.

